

литература¹⁴, неудивительно поэтому, что в данной главе автор сказал мало нового. Впрочем, представляет интерес его гипотеза относительно судилища «у Фреатто» (с. 49, 50), разбиравшего крайне редкие случаи повторного убийства, совершенного человеком, уже находящимся в изгнании за непредумышленное убийство. Источники не сообщают ни об одном процессе, проходившем в исторические или мифологические времена в этом суде. А. Беджхолд не без основания предполагает, что таких процессов не было, а возможно, имел место единственный казус такого рода, происшедший в додраконтовское время и положивший начало суду. Интересны также некоторые замечания автора о топографии судов по убийствам, его высокая оценка суда в Пританее, обычно считающегося рудиментарным, пережиточным органом, и др.

Приходится, к сожалению, указать на несколько досадных небрежностей, допущенных в книге. В глоссарии (с. XXII–XXVIII) Драконт назван эпонимным архонтом 621/20 г. до н.э., тогда как известно, что эпонимом этого года был Аристеhm (Arist. Ath. pol. 4.1), а Драконт опубликовал свои законы в качестве фесмофета (Paus. IX. 36.8). В том же глоссарии Тимолеонт почему-то назван «царем» Сиракуз. Вызывает недоумение характеристика одного из клеротериев (№ 10 по каталогу С. Дау). В тексте (с. 230) указано, что он имеет десять рядов углублений, в то время как на фотографии (pl. 6) ясно видно, что этих рядов одиннадцать.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что с выходом рецензируемого тома в изучение афинской судебной системы и процессуальной практики внесен новый и весьма важный вклад. Теперь, думается, вещественные памятники должны занять подобающее им место в комплексе источников по судопроизводству демократических Афин; их необходимо будет принимать во внимание при рассмотрении любого сюжета, связанного с этой темой.

И.Е. Суриков

© 1999 г.

K. HELDMANN. Sallust über die römische Weltherrschaft: Ein Geschichtsmodell im Catilina und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie. Stuttgart: BG. Teubner, 1993. VIII. 134 S.

Саллюстий – один из наиболее изучаемых римских авторов, причем с самых различных точек зрения. Исследуются достоверность его сочинений, их композиция, понимание Саллюстием истории, его политические взгляды и т.д. Однако отношение писателя к проблеме господства одного народа или государства над другими еще не было предметом столь тщательного анализа, как названные вопросы. Уже одно это привлекает внимание к вышедшей в 1993 г. книге немецкого ученого Конрада Хельдмана «Саллюстий о римском мировом господстве: Историческая модель в "Заговоре Катилины" и ее истоки в эллинистической историографии».

Монография начинается с предварительных замечаний о трудностях изучения взглядов Саллюстия, обусловленных, как указывает Хельдман, прежде всего особенностями стиля римского историка. Многие фразы в его трудах в силу своей афористичности нередко воспринимаются как самостоятельные сентенции, а их доказательная функция в рамках соответствующего контекста не учитывается. Кроме того, предельная краткость Саллюстиева слога нередко затемняет связь сентенций с контекстом. Эта brevitas имеет не только стилистическую, но и содержательную сторону, поскольку оставляет «простор для того, что lector eruditus может и должен привносить сам» (с. 9). Таким образом, сочинения Саллюстия рассчитаны на образованную аудиторию, которой достаточно лишь намекнуть на известные

¹⁴ См. из последних работ: Wallace R.W. The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore – London, 1989; Ostwald M. The Areopagos in the Ἄθῆναιων πολιτεία // Aristote et Athènes, P., 1993. P. 141–153; Saïd S. Le mythe de l'Aréopage avant la Constitution d'Athènes // Ibid. P. 155–184; Суриков И.Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40. Литература о других судах по убийству значительно более скудна. См. Sealey R. The Athenian Courts for Homicide // Classical Philology. 1983. V. 78. № 4. P. 275–296; Stroud R. Aristotle and Homicide in Athens // Aristote et Athènes... P. 203–221.

факты или идеи, чтобы быть понятным; однако для современного читателя эти намеки, напротив, подчас являются трудноразрешимой загадкой. Мы согласны с этим наблюдением, но наряду с ним хотелось бы отметить и другое: о своем взгляде на ту или иную проблему Саллюстий вообще умалчивает, причем, возможно, сознательно, поскольку на многие вопросы, которые ставила жизнь, он не мог дать самому себе четкий ответ.

Основное содержание книги группируется вокруг двух вопросов: 1) способы достижения и удержания мирового господства; 2) взгляд Саллюстия на римский вариант этого процесса. Автор «Заговора Катилины», как указывает Хельдман (с. 25), считал, что стремление к такому господству – естественное проявление свойственной людям жажды славы, а гарантией успеха этого стремления – *ingenium* и *animi virtus* (Cat. 1.4–2.2). Обретенное благодаря им господство «легко сохранить теми же средствами, какими оно достигнуто» (Cat. 2.4). Какими же именно – военными, о которых идет речь в Cat. 2.2 (*coepere urbis atque nationes subigere*) или мирными, коль скоро в числе *artes*, необходимых для создания и упрочения *imperium maximum*, Саллюстий называет такую сугубо мирную добродетель, как *aequitas* (2.5)? Проблема, по мнению Хельдмана, разрешается, если обратиться к тексту Диодора (XIII. 20–27). Устами сиракузянина Николая последний формулирует мысль о том, что господство, держащееся в страхе, само всегда находится под угрозой. Пример – мидяне, которые своей жестокостью вызвали восстание персов и других народов, сокрушившее их державу. И наоборот, Кир, действуя с разумной мягкостью, покорил всю Азию. Таким образом, успешная война оказывается необходимой, но не единственной предпосылкой для создания империи. За ней должно следовать великодушное отношение к побежденным: только так можно добиться их добровольного подчинения и лояльности, а затем и присоединения других народов. Здесь Диодор, очевидно, находится под влиянием Ксенофоновой «Киропедии», широко известной в эпоху Поздней Римской республики. Основание великой державы методами Кира (по Ксенофону) – идеал, который Хельдман именует *Kyros-Modell*. О том, что Саллюстий знаком с ним, должно свидетельствовать следующее совпадение. Николай у Диодора, говоря о милосердии как о наиболее эффективном методе внешней политики, ссылается на примеры не только Кира, но и Афин, и Спарты. В свою очередь и Саллюстий пишет (2. 2), что решающая роль *ingenium* и *animi virtus* стала очевидной со времен завоевательных войн Кира, спартанцев и афинян (с. 62–68).

В эллинистической историографии, отмечает Хельдман, есть и несколько иной вариант *Kyros-Modell*. У того же Диодора во фрагменте XXXII. 4, восходящем, как предполагается, к Полибию, речь идет не о двух, а о трех этапах создания великих держав: помимо (1) успешных войн и (2) последующего расширения империи благодаря мягкому обращению с побежденными полезны (3) карательные акции в отношении наиболее непокорных, устрашающие прочие подвластные народы и тем укрепляющие империю (такие, как разрушение римлянами Коринфа, Карфагена и Нуманции, ликвидация ими в 167 г. Македонского царства). Подобные экзекуции рассматриваются лишь как единичные факты, необходимые в качестве устрашающих примеров. Конечно, эти акции противоречили первоначальному политическому замыслу *Kyros-Modell*, призванной доказать эффективность именно мирных средств для упрочения империи. Но Полибий включил в нее «компонент насилия» (*Gewaltkomponent*), исходя не из абстрактных соображений, а из необходимости объяснения свершившихся во время написания им своего исторического труда событий – разрушения Коринфа, Карфагена, Нуманции (с. 80–89).

Каков же, однако, взгляд на римское мировое господство самого Саллюстия? Для ответа на этот вопрос Хельдман обращается к проецированию «Заговора Катилины». Во введении римский историк приписывает успехи римлян (правда, не называя их прямо, но очевидно, что речь идет именно о них) преимущественно мирным добродетелям – *labor*, *aequitas*, *continentia* (Cat. 2.5; ср. *ibid.* 10.1: *labor atque iustitia*; *aequitas*), однако в «археологии» (10.1) признается и роль войн в достижении Римом мирового господства. Здесь обращает на себя внимание одно важное обстоятельство: если, например, Цицерон указывает, что Рим вел войны двух типов – *uter esset*, в которых решался вопрос о существовании одной из сторон, и *uter imparet*, обусловленных борьбой за славу и господство, то Саллюстий представляет в «археологии» «Заговора Катилины» дело так, будто римляне воевали лишь с целью защитить себя от посягательств соседей или помочь *amicis et sociis* (ср. *Cic. De rep.* III. 35: «наш народ, защищая своих союзников, уже покорил весь мир»). Войн же *uter imparet*, если исходить из анализируемого текста Саллюстия, римляне не вели. Их мировое господство стало наградой (так сказать, побочным эффектом) за проявляемое каждым членом общины в борьбе с врагами *cupido gloriae* (Cat. 7.3–7), за верность друзьям, выражавшуюся в самоотверженной и бескорыстной помощи им (6.5; 9.2), за благодеяния, с помощью которых они расширяли число своих *amici* (6.5).

Но так было лишь в «старые, добрые времена», ибо затем, когда все враги Рима были разбиты, начались падение нравов и связанные с ним несчастья (Cat. 10.1 sq.). Причем последствия этого сказываются не только во внутри-, но и во внешнеполитической сфере: римское владычество превратилось «из справедливейшего и наилучшего в жестокое и нестерпимое» (ex iustissimo atque ortho in crudele intolerandumque – 10.6), союзники, которые в свое время, будучи побеждены римлянами, лишались только одного – возможности совершать беззакония, теперь сами терпят притеснения от потомков тех, кому они когда-то покорились (12.4–5). Но дело не только и не столько в моральной предосудительности современной Саллюстия практики провинциального управления. Падение нравов привело к потере римлянами тех качеств, благодаря которым их государство достигло мирового господства, находящегося теперь поэтому под угрозой. Подобный вывод делается на основании 2-й главы «Заговора Катилины», где говорится о том, что если победители утрачивают в мирное время доблесть духа, которую они проявляли на войне, и место добродетелей занимают пороки, то их судьба меняется одновременно с нравами. «власть всегда переходит к лучшему человеку от худшего» (imperium semper ad optimum quemque a minus bono transfertur – 2. 3–6). Хельдман справедливо подчеркивает (с. 16–23), что речь идет о переходе господства от одних народов или держав к другим, а не о смене режимов внутри государства, как иногда считается. Хотя конкретные имена при этом не названы, очевидно, по мнению автора, что в данном случае Саллюстий озабочен судьбой именно Рима¹, граждане которого уже не обладают высокими моральными качествами своих предков и потому могут потерять власть над ойкуменой. Правда, отсюда еще не вытекает, что это действительно произойдет, поскольку неясно, кто же следующий ортумус, способный перехватить у римлян мировое господство (с. 109–116). Но тогда мы вправе задать вопрос: беспокоился ли вообще Саллюстий за судьбу римского владычества, если опасаться извне было некого, а сентенция о переходе власти от худшего к лучшему слишком туманна и риторична, чтобы делать на ее основании какие-либо конкретные выводы.

В заключение Хельдман указывает, что было бы неверно рассматривать используемую в «Заговоре Катилины» историческую модель как нечто оригинальное, а набросок римской истории в «археологии» – как сколь-либо обдуманное изложение. Целью писателя, по его мнению, в обоих случаях было «политическое увещание (Paränese) с помощью морально акцентированной исторической модели и соответствующего изображения истории. При этом избранная им позиция, бесспорно, крайне пессимистична. Но если учесть, что увещание и фатализм трудно совместимы друг с другом, то даже пессимизм Саллюстия можно рассматривать... как конструктивную попытку оказать воздействие на ход римской истории» (с. 117).

Такова концепция К. Хельдмана. В целом она не вызывает возражений (за исключением предположения немецкого ученого о том, будто Саллюстий беспокоился за судьбу римского владычества) и представляется весьма интересной и плодотворной, многое объясняющей в мышлении римского историка. Хотелось бы высказать лишь одно замечание. Не вполне понятно, почему при изучении взглядов Саллюстия на римское мировое господство (так, как они представлены в «Заговоре Катилины») автор ограничился анализом лишь prooemium'a и «археологии», тогда как эти взгляды нашли отражение еще в одном отрывке данного сочинения – речи Цезаря против казни катилинариев. Сама ее тема порождает множество ассоциаций: упоминавшаяся речь Николая у Диодора направлена против решения о казни пленных афинян, а речь Диодота у Фукидида – против казни жителей Митилены (Thuc. III. 42–48). Параллель Саллюстия с Фукидидом в данном случае сомнения не вызывает, а между тем у последнего сформулирована мысль о неэффективности голого насилия и соответственно целесообразности милосердия, на чем, собственно, и строится Kyros-Modell. Таким образом, проводимое Хельдманом сопоставление текста Саллюстия только с эллинистической историографией оказывается недостаточным, коль скоро анализируемые идеи высказывались уже в классическую эпоху. Однако это упущение, хотя и существенное, на наш взгляд, не снижает достоинств рецензируемой книги, которая является важной вехой в исследовании взглядов Саллюстия на характер и судьбы римского владычества.

А.В. Короленко

¹ То же еще более категорично утверждает П.М. Белов (Об одной внешнеполитической концепции римской демократии // Уч. зап. Горьковского гос. пед. ин-та им. М. Горького. 1961. Вып. 31. С. 29).